

Полянский, 1980 – *Полянский В. В.* Принципы советского гражданства // Советское государство и право. 1980. № 5. С. 123-129.

Селиванова, 2019 – *Селиванова А.* Дончанка подробно расписала инструкцию по получению паспорта РФ // Сетевое издание «Украина.ру». 04.08.2019. URL: <https://ukraina.ru/20190804/1024508980.html> (дата обращения 05.08.2023).

Соловьев, 2018 – *Соловьев И. А.* Проблемы натурализации в России участников государственной программы переселения соотечественников из Украины // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Ставрополь. 02-04 октября 2018 г.

Черкашин, 2023 – *Черкашин К. В.* Этническая самоидентификация жителей Донбасса // Политическая лингвистика. 2023. № 1(97). С. 113-128.

Суржинский, 2011 – *Суржинський М. І.* Інститут громадянства України: конституційно-правовий аспект. К.: Наукова думка. 2011. 215 с.

УДК 32(321+321.01)

Старостенко К. В.,

*доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и прикладной политологии,
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева.*

Чекулаев А. А.,

*кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры общей и прикладной политологии,
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева.*

Становление Русского централизованного государства: политико-исторический аспект

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-2-157-167

В данной статье рассматриваются политические особенности появления на исторической арене Русского централизованного государства. В период формирования централизованного государства наметилась тенденция к формализации правовой традиции, которая нашла свое отражение в Судебнике 1497 года. Междоусобные войны и феодализация общественных отношений сопровождали процесс образования Русского централизованного государства.

Ключевые слова: *автократия, феодализм, централизованное государство, иммунитет, субъектность, служилые корпорации.*

Starostenko K. V.,

Doctor of Political Sciences, Professor,

*Head of the Department of General and Applied Political Science,
Orel State University name after I.S. Turgenev.*

Chekulaev A. A.,
*Candidate of Political Sciences, Docent,
Associate professor of Department of General and Applied Political Science,
Orel State University named after I.S. Turgenev.*

The Formation of the Russian Centralized State: a political and historical aspect

This article examines the political features of the emergence of a Russian centralized state in the historical arena. During the formation of the centralized state, there was a tendency to formalize the legal tradition, which was reflected in the Judicial Code of 1497. Internecine wars and the feudalization of social relations accompanied the formation of the Russian centralized state.

Keywords: *autocracy, feudalism, centralized state, immunity, subjectivity, employee corporations.*

Наша тема исследования имеет непосредственное отношение к тому историческому периоду, с которым связано становление правосубъектности российского централизованного государства. Возвышение статуса и укрепление власти московских государей во второй половине XV века явились итогом длительного исторического процесса, в рамках которого сформировалось и усилилось военно-бюрократическое дворянское сословие, ставшее социальной опорой трона в Российском государстве. Освобождение Великого княжества Московского от вассальной зависимости со стороны Большой Орды, особенно после событий осени 1480 года, укрепило правосубъектность Московского государства в международных делах, повлияв, таким образом, на формирование национального самосознания великороссов. По итогам данного исторического процесса в Восточной Европе появилось сильное централизованное государство с автократическим монархическим режимом, в основании которого был положен вотчинный иммунитет с прочими феодальными правами и привилегиями московского государя и его служилых дворянских корпораций.

Именно объективные интересы военно-бюрократического дворянского сословия со временем стали полностью определять направления деятельности государства, состоявшего как из вотчинных наследственных земель, так и поместий со служилыми дворянскими родами. В такой социальной ситуации государственная юрисдикция представляла собой сложный феодальный конгломерат, с одной стороны, наследственных вотчинных прав и привилегий московских великих и удельных князей, боярства и дворянства, а с другой стороны, приобретенных прав на условное земельное владение со стороны удельных и служилых князей, дворян, детей боярских и представителей иных боярских родов, выехавших в Москву на государеву службу. Все они стремились

не только получить поместье с крестьянами, но и закрепить за собой собственный вотчинный иммунитет, впоследствии передававшийся по наследству.

В середине и во второй половине XV века наметилась тенденция по выезду многих Верховских князей на Москву из-под власти литовского князя, что стало причиной войн между двумя великими княжествами, имевшими династические связи со времен великого князя Василия Дмитриевича. Так, дипломатия Московского государства во второй половине XV века установила посольский обычай с императором Священной Римской империи, Святым Престолом и с другими королями и князьями. Все эти международные политические контакты существенно повысили субъектность Русского государства, дав московским государям возможность укрепить собственную юрисдикцию и оспаривать литовскую и ливонскую юрисдикции на приграничные территории в Верховских княжествах, а также в Псковской и Новгородской землях.

Особое место в дипломатии московских государей занимал посольский обычай с новыми татарскими юртами (Крымское, Казанское и Касимовское ханства), которые образовались по причине феодальной раздробленности Золотой Орды. Еще в период «великой замятни» в Орде (1359-1380 гг.) московский князь Дмитрий Иванович смог добиться существенных изменений в политико-дипломатическом и военном положении собственного княжества, сделав его «*de facto*» основой для будущего единого государства. Таким образом, по итогам «великой замятни», во-первых, Дмитрий Иванович смог организовать широкую коалицию удельных князей Северо-Восточной Руси против нелегитимного беклярбека Мамаю, победившую ордынцев в Задонском сражении. Итогом битвы явилось создание военно-политического прецедента, сулившего падение гегемонии Золотой Орды над княжествами Северо-Восточной Руси. Благодаря победе над Мамаем Дмитрий Иванович смог повысить свой авторитет, а также престиж великокняжеской власти в среде великих и удельных князей. Во-вторых, после Задонской битвы Дмитрий Иванович не торопился платить ордынский выход и признавать сюзеренитет легитимного правителя Золотой Орды. Хан Тохтамыш в начале своего воцарения был благодарен Дмитрию Ивановичу и другим князьям за помощь в борьбе против Мамаю. Однако впоследствии личный авторитет Дмитрия Ивановича стал вызывать опасения у правителя Золотой Орды, что, наряду с отказом великого князя Московского платить ордынский выход, и явилось основной причиной военного похода хана Тохтамыша на Москву в 1382 году.

В целом, протяженные границы Московского государства требовали постоянных военных усилий для парирования внешних угроз, что вместе с экономическими предпосылками служило определенным триггером, ускорявшим процесс формирования централизованного государства на территории Великого княжества Московского. Таким образом, «...положение Русской земли в половине XV века, – по мнению российского историка В.О. Ключевского, – можно определить двумя чертами: политическое порабощение извне и политическое раздробление внутри» [Ключевский, 1987: 101]. И то и

другое было связано с объективным фактором исторического процесса, толкавшим князей и бояр к конкурентной борьбе как друг с другом за права вотчинного иммунитета над землей и крестьянами, так вызывавшим у них стремление ослабить внутреннего и внешнего конкурента с помощью иностранного союзника, будь то Литва или татарские юрты.

В свою очередь, В. О. Ключевский так описывал вышеизложенный период централизации государства: «Северная Русь, дотоле разбитая на самостоятельные местные миры, объединяется под одной государственной властью, носителем которой является московский государь, но он правит при содействии нового класса, вокруг него образовавшегося, - боярства. Основой народного хозяйства в этом государстве остается по-прежнему земледельческий труд вольного крестьянина, работающего на государственной или частной земле, но государственная земля все более переходит в руки нового военного класса, создаваемого государством, и вместе с тем все более стесняется свобода крестьянского труда, заменяясь хозяйственной зависимостью крестьянина от служилого землевладельца» [Ключевский, 1987: 99]. Таким образом, в закабалении крестьянского мира объективно был заинтересован не отдельный помещик или боярин, а целый общественный класс служилых землевладельцев, которые несли военную и бюрократическую службу, и их интересы были воплощены во всех аспектах государственной политики.

Кем же были эти служилые землевладельцы и какой социальный статус и права они имели? Как резонно отмечают современные российские исследовательницы Н. И. Ромахи и М. С. Суренская: «Человек из знатного боярского рода обыкновенно начинал свою службу в чине московского дворянина или стольника, незнатный провинциальный дворянин редко мог дослужиться выше чина жильца или московского дворянина ... Правящий класс, в том числе дворянство, составлявшее наибольшую по численности его часть, – это привилегированное замкнутое сообщество, переход в которое из других, непривилегированных, «черных», сословий все больше затруднялся. Но это не означает, что он совсем был невозможен. Происходила своего рода социальная диффузия: обедневшие представители дворян могли «опускаться» в низшие сословия, вплоть до холопов...» [Ромахи, Суренская, 2025]. Таким образом, положение дворянина в служилой иерархии зависело от многих объективных и субъективных факторов, определявших его место в системе государственных чинов. Вместе с городскими детьми боярскими провинциальные дворяне выполняли основную нагрузку приказной и военной службы и были заинтересованы в формализации правового статуса со стороны государства. При этом, внутриклассовые противоречия между служилыми людьми, как и вопросы местничества в княжеской среде, создавали условия для политических пертурбаций в феодальном обществе.

Какое же происхождение имели представители московских служилых корпораций? По мнению российских исследователей Ю. В. Мигунова и А. В. Шебанова: «...это потомки слуг вольных, старинных землевладельцев-вотчинников, служивших тому или иному князю. Это потомки, так называемых,

земских бояр, представителей автохтонной земельной знати, слившихся, в своем большинстве, со слугами вольными и детьми боярскими в уездные служилые организации. Это потомки боярских родов и их размножившихся и захудавших отраслей, служивших великим и удельным князьям. Это потомки многочисленных отраслей князей-рюриковичей, перешедших на положение служебных князей. Это потомки новгородских и псковских бояр, сведенных со своих земель и разбросанных по многим уездам государства. Это своеземцы - мелкие вотчинники, известные в Новгородской, Псковской и Смоленской областях, частью выселенные, частью оставленные на местах. Это землевладельцы русского происхождения из порубежных русско-литовских земель, выходивших в Московское государство или переводимых самим государством из вновь присоединенных областей» [Мигунов, Шебанов, 2001]. Таким образом, московское боярство и дворянство формировались различными способами, непосредственно связанными с благоприятными историческими обстоятельствами, которые сложились на территории Северо-Восточной Руси, начиная с первой трети XIV века. Они пополнялись за счет родов, разных по генеалогическому составу, но единых по социальному происхождению от привилегированных землевладельцев древнерусских княжеств. Быстрый рост территории Великого княжества Московского привел к необходимости защиты его рубежей от многочисленных внутренних и внешних врагов. Такие государственные задачи способствовали тому, что в конце XV века в состав служилых землевладельцев была включена и уравнена с ними в служебном отношении группа иного социального происхождения, состоявшая из бывших лично несвободных людей, а именно, холопов. Из числа холопов набирались послужилцы московских и новгородских бояр. Эти «боевые» холопы полностью зависели от воли господина, который обеспечивал их существование за счет крестьянского подневольного труда. Так формировались новые вертикальные социальные связи в корпорациях Московской державы.

На период формирования централизованного государства пришелся очередной этап обострения, с одной стороны, феодальной борьбы между великими и удельными князьями, а с другой стороны, внешней угрозы, так как земли Московского государства и его союзников подвергались многочисленным набегам со стороны татарских юртов, Ливонской конфедерации и Литвы. Благодаря централизации государства Иван III вышел победителем из этой борьбы, значительно усилив свой домен, подтвердив, таким образом, старшинство и феодальные привилегии в отношении других великих и удельных князей. Именно в правление Ивана III, по мнению отечественных историков и юристов, начался длительный процесс обретения Великим княжеством Московским нового статуса субъектности в международных делах как политически самостоятельного централизованного государства, претендовавшего не только на главенство в землях Руси и в отношениях с татарскими юртами, Ливонской конфедерацией и Великим княжеством Литовским, но и стремившегося через поддержку самостоятельности

московской митрополии добиться появления поместной церкви в собственной юрисдикции.

Вот что об этом периоде отечественной истории писал советский профессор К. В. Базилевич: «Власть московского великого князя значительно превосходила власть его ближайших западных соседей – великого князя литовского и польского короля. Иван III после присоединения Новгорода и Твери фактически распоряжался всеми силами страны и во внешней политике, как и в военных предприятиях, не зависел от согласия своих вассалов – ни от «удельных» князей из числа московской великокняжеской семьи, ни от потомков княжеских фамилий, влившихся в состав старого московского боярства. Сосредоточение власти в одних руках дало возможность Ивану III приступить в области внешней политики к разрешению важнейших исторических задач, определивших почетное место России в системе европейских держав» [Базилевич, 1952: 18]. В то же время профессор Базилевич отмечал такой факт, что не все интересы Великого княжества Московского как растущего государства были удовлетворены, но именно при Иване III сформировались основные направления международной политики, которые были реализованы только лишь к исходу XVIII века.

Прежде всего, речь идет о таких традиционных направлениях внешней политики московских государей, как: во-первых, борьба на восточном и южном рубежах с татарскими юртами, образовавшимися в результате феодальной раздробленности Золотой Орды и препятствовавшими торговле Русского государства с Восточными странами; во-вторых, одновременно с этим Московское государство вело борьбу на западной границе с Литвой и Польшей с целью воссоединения всех древнерусских земель Рюриковичей под властью своей великокняжеской династии; в-третьих, после присоединения к Москве Новгорода и Пскова обострились отношения не только с Литвой, но и с Ливонской конфедерацией, угрожавшей Северо-Западным торговым городам Руси. Прибалтийское направление внешней политики Московского государства можно свести к коммерческой необходимости борьбы за приобретение военно-политического господства над торговыми немецкими коммунами, которые контролировали товарообмен на Балтийском море, снижая тем самым доходы купцов и казны русского государства, которое уже тогда стремилось наладить вывоз хлеба и других товаров на рынки Западной и Центральной Европы. Очередность и актуальность этих внешнеполитических задач Московского государства постоянно менялись в зависимости от многих исторических обстоятельств. Но все же данные задачи продолжали определять общий характер международной политики России на протяжении 300 лет.

Именно по итогам этих трех столетий произошло политико-правовое оформление государственного режима с его правосубъектностью и юрисдикцией в отношении большинства русских, татарских и даже прибалтийских земель, а также соответствующей духу времени идеологии, воплощенной в сословной монархии абсолютистского толка. Тогда же окончательно закрепилось название нашей страны, которое, по-видимому, имеет

церковно-канцелярское происхождение и обычно связывается с греческой традицией по написанию слова «Русь». При царе Алексее Михайловиче и его сыне Петре Алексеевиче термин «Росия» приобрел законченный вид в рамках государственной титулатуры «Отец Отечества и Император Всероссийский», «Государство Российское», «Российская империя» и «Россия». Все это нашло отражение в титулатуре и юридических документах российского государства, особенно после заключения Ништадтского мира и окончания Северной войны, когда Петр Алексеевич повторно провозгласил Россию империей, повысив тем самым ее правосубъектность в международных делах. Император не только воевал, но и выкупил прибалтийские земли у шведской короны, обеспечив для Российской державы свободный вывоз зерна в Западные страны, которые были вынуждены «*de facto*», а затем и «*de iure*» признать изменившийся баланс сил в Восточной Европе.

Итак, за несколько сотен лет от правления Ивана III и до Петра I на территориях княжеств Северо-Восточной и Северо-Западной Руси окончательно сложилась великорусская народность под властью сильной дворянской бюрократии, возглавляемой московскими Рюриковичами, а затем, после 1613 года, Романовыми. Ее центром был великокняжеский домен московских князей, опиравшихся сначала на дворянские служилые корпорации, которые затем окончательно оформились в сословие и класс. Как подчеркивал советский государственный деятель и политик И. В. Сталин: «В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию» [Сталин, 1936: 581]. Как нами уже отмечалось выше, предпосылки к объединению страны можно увидеть в политике не только Ивана III, но и его прадеда Дмитрия Ивановича Донского, который смог на короткий срок консолидировать действия князей Северо-Восточной Руси в период борьбы против нелегитимного беклярбека Мамай, нанеся ему поражение в Задонской битве, повысив тем самым престиж собственной власти и правосубъектность Великого княжества Московского в целом.

В период формирования централизованного государства наметилась тенденция к формализации правовой традиции Великого княжества Московского в изменившихся исторических условиях. Как отмечает отечественный ученый В. А. Томсинов: «Вместе с тем в условиях Московского государства дальнейшее развитие получили письменные источники права. В течение XIV-XV веков главную роль среди них играли уставные грамоты наместничьего управления, среди которых наиболее авторитетными были Двинская уставная грамота 1398 года и Белозерская уставная грамота 1488 года. Данные грамоты регулировали не только отношения, возникавшие в сфере местного управления и суда, но и некоторые вопросы гражданского и уголовного права [Томсинов, 2009: 262]. Логическим итогом данного двухсотлетнего административного процесса стало появление в 1497 году Судебника Ивана III, который по своему содержанию значительно превосходил любую из уставных грамот.

Всего же можно выделить три главных источника для формирования правовой традиции Московского государства. Во-первых, свод законов Русской Правды и Правды Ярославовичей, включавших в себя нормы обычного права и получивших свою редакцию в Великом княжестве Московском. Во-вторых, Статуты Великого княжества Литовского, которые использовались как удельными, так и великими князьями в отношениях друг с другом и собственными вассалами. В-третьих, византийские кодексы и церковные своды законов, получившие распространение на территории Московского государства через культурно-религиозные связи. Таким образом, складывание государства шло путем его одновременной централизации и феодализации, которые нашли свое отражение в государственных решениях и правовых нормах того времени.

Главным камнем преткновения оставался вопрос прав и привилегий в отношении землевладения служилых людей, которые были заинтересованы в полном, а не условном держании своего поместья и крестьян. В частности, существовавшие общественные отношения получили формальное закрепление сначала в Судебнике 1497 года, а затем в Судебнике 1550 года и Стоглавом церковном соборе 1551 года. Окончательное юридическое оформление сословий Русского царства произошло в середине XVII века. Кроме того, становление единого политического и экономического пространства дало толчок к развитию материальных и духовных начал культуры преимущественно в среде привилегированных сословий (дворянства и духовенства), имевших доступ к соответствующим благам и писавших в своих интересах законы государства. При этом, посадское население городов, несмотря на грамотность, ремесло и торговую мобильность, так и осталось подвластным юрисдикции дворянских корпораций. К середине XVII века посадские люди подверглись усилению экономической и внеэкономической эксплуатации со стороны привилегированных сословий правящего класса, что серьезно подорвало их дальнейшее движение в сторону политической субъектности в рамках исторического процесса. Так, согласно Соборному уложению 1649 года, посадское население прикреплялось к посадам и также облагалось государственными налогами и податями [Большая..., 2025]. Таким образом, устанавливались не только политико-юридические, но и социально-экономические и культурные границы между сословиями одного народа, пережитки которых были изжиты только в советский период, создавший соответствующие условия для общенационального развития.

Таким образом, исторической особенностью России стало то, что появление централизованного государства предшествовало окончательному формированию великорусской народности, которая длительное время была разделена на сословия и замкнутые миры со своими диалектическими особенностями (псковские, новгородские, рязанские, орловские, курские и другие крестьянские миры). Окончательное объединение сословий великорусской народности под автократической властью московских государей завершилось к середине XVII века, когда сложились единый всероссийский рынок и сословно-представительный бюрократический аппарат,

нивелировавший политические, экономические и культурные противоречия в пользу интересов и власти господствующего дворянского класса. При этом, централизованное государство дало большие возможности, с одной стороны, в развитии правовых и публичных форм управления территорией страны, а с другой стороны, позволило усилить дворянскому классу внеэкономическую эксплуатацию податного посадского и крестьянского населения. Это расширило горизонты феодальной экспансии и юрисдикции централизованного государства в отношении других народов.

Для поддержания статуса и престижа великокняжеской власти требовались значительные экономические и военные ресурсы, которые обеспечивались натуральным хозяйством крестьянских общин и службой служилых и ратных людей, распределенных между уездными и городскими организациями. Служилые люди по отчеству не только «испомещались» на земле, где формировали уездные корпорации, но и проживали в городах, где хозяевами были князья, бояре и выборные дворяне, обладавшие обширным натуральным хозяйством с ремесленным производством, что делало их экономически самодостаточным закрытым сообществом.

В целом, экономическое развитие Северо-Восточной Руси к концу XV века сопровождалось ростом общественного разделения труда, распространением практики трехполья и развитием крестьянской домашней промышленности с городскими ремеслами. При этом, увеличение производительности сельского хозяйства повлекло за собой усиление элементов внутренней рыночной системы на основе распространения товарно-денежных отношений между русскими землями и городами. Таковы были условия, создавшие возможность материального обеспечения поместной системы, состоявшей из массы мелких служилых землевладельцев. По мнению К.В. Базилевича: «Опираясь на эту социальную силу, верховная власть «Государя всея Руси» могла повести борьбу с остатками феодальной раздробленности и приступить в области внешней политики к разрешению задач, выдвинутых процессом развития Русского централизованного государства» [Базилевич, 1952: 26].

Демографический рост крестьянского населения вместе с новыми пограничными землями обеспечивал московского государя возможностями наращивать военный потенциал служилых организаций в условиях острой конкурентной борьбы против Большой Орды и Великого княжества Литовского. При этом, централизация государства оборачивалась ростом издержек общественного развития, которые княжеский двор, боярство и дворяне стремились компенсировать за счет тяглого крестьянского и посадского населения, усиливая методы их внеэкономической эксплуатации. Отметим, что в это время городского населения было мало, и поэтому крестьянский труд являлся главным источником уплаты натуральных налогов и повинностей. При государе Иване III наметилась общая политическая линия, направленная на законодательное оформление зависимости крестьян от служилых землевладельцев. Пересмотр норм обычного права в пользу государственной надобности изменил уклад жизни крестьянского мира, лишая мужика исконного

права менять хозяина после окончания сельскохозяйственного года. Данный процесс проходил неодномоментно, а в течение последующих 150 лет после правления Ивана Васильевича. Закабаление крестьянского и посадского населения вело к возрастанию его внеэкономического принуждения и законодательному ограничению традиционных прав в пользу привилегированных сословий правящего класса.

Таким образом, появление на исторической арене Русского централизованного государства во второй половине XV века на территории Северо-Восточной Руси стало возможным благодаря целому ряду экономических, политических и культурных предпосылок, сложившихся со времен возвышения Великого княжества Московского в конце XIV века. Подчинение московским государем Иваном Васильевичем феодальных республик Новгорода и Пскова, Великого княжества Тверского и Вятки значительно увеличило экономический и военный потенциалы московских служилых организаций. За короткий по историческим меркам срок в Северо-Восточной Европе появилось большое централизованное государство во главе с «Государем всея Руси». Социальной основой великокняжеской власти московских государей были корпорации служилых людей по отчеству, размещавшихся в городах и уездах и состоявших из князей, крупных, средних и мелких вотчинников, а также дворовых и городских детей боярских. Их политико-правовое положение в вопросах землевладения полностью зависело от воли великого князя, обладавшего бесспорным феодальным иммунитетом и привилегиями в Великом княжестве Московском, что было необходимо для создания единого государства в землях Северо-Восточной Руси.

Список литературы

Базилевич, 1952 – *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952. 544 с.

Большая..., 2025 – Большая советская энциклопедия. Соборное уложение 1649. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/133728/Соборное> (дата обращения: 05.05.2025).

Ключевский, 1987 – *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2 / Послесл. и коммент. составили В. А. Александров, В. Г. Зими́на. М.: Мысль, 1987. 447 с.

Мигунов, Шебанов, 2001 – *Мигунов, Ю. В., Шебанов, А. В.* Уездные дворянские корпорации России XVI-XVII вв.: внутреннее устройство и роль в системе государственной службы. Нижний Новгород, 2001.

Ромах, Суренская, 2025 – *Ромах, Н. И., Суренская, М. С.* Оформление дворянского сословия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oformlenie-dvoryanskogo-sosloviya> (дата обращения: 10.06.2025).

Сталин, 1936 - *Сталин, И. В.* Сборник произведений к изучению истории ВКП(б) / Ленин, Сталин. – Москва: Партиздат, 1936. 1 т. 934 с.

Томсинов, 2009 – Томсинов, В. А. Судебники 1497 и 1550 годов как памятники юриспруденции Московского государства. Проблемы истории государства и права. Сборник научных трудов / Ответственный редактор В. А. Томсинов. М.: Зерцало-М, 2009. С. 259-287.

УДК 32.019.51

Стракевич А. А.,
кандидат политических наук,
независимый исследователь

Популизм и «антипопулизм» в американской президентской кампании 2024 года

DOI:10.33979/2587-7534-2025-2-167-181

Обозначение Д. Трампа в качестве популистского кандидата возникает еще в 2016 г., при этом в ходе кампании 2024 г. мы обнаруживаем в 12.4 раз больше материалов, одновременно упоминающих Д. Трампа и популизм. В рамках настоящей статьи мы стремимся ответить на два вопроса. На первом этапе мы приводим обзор понятия «популизм» и выделяем критерии, определяемые исследователями в качестве его маркеров. Это позволяет нам понять – действительно ли риторiku республиканского кандидата справедливо определять как «популистскую». Получив 7 положительных критериев из 9, мы приходим к выводу об обоснованности данной трактовки. Вторым этапом становится анализ риторики кандидата от демократов К. Харрис. Для более глубокого понимания сущности «антипопулизма» мы применяем критерии, ранее характеризовавшиеся как «популистские» – и обнаруживаем соответствия по 6 из 9 пунктов. Это дает нам основание предполагать: в ходе президентской гонки 2024 г. популизм не был прерогативой какой-либо одной стороны – а значит, речь идет либо об обычной политической практике, сознательно стигматизируемой частью политического спектра (на что указывал Э. Лакло), либо об общем смещении американской политики в сторону популизма.

Ключевые слова: популизм, антипопулизм, выборы, США, Дональд Трамп, Камала Харрис.

Strakevich A. A.,
Candidate of Political Sciences,
independent researcher

Populism and anti-populism in 2024 us presidential campaign